

КАК ИЗВЕСТНО, наши недостатки — продолжения наших достоинств. Жизнь, остроумие, оригинальность — очень ценные качества литературного стиля, но чрезмерная бойкость пера порой приводит к неприятным последствиям: непринужденность переходит в развязность, изящество — в щегольство и манерность, и мысль тонет в цветах красноречия. Как раз этим и грешит, как нам кажется, Н. Разговоров в своих полемических заметках «От «Носа» к «Носорогу» и немного дальше», опубликованных в «Литературной газете» 30 декабря 1965 года.

Мы постараемся, насколько возможно, исправить дело и, оставив в стороне глубокомысленное лингвистическое вступление и прочие литературные излишества, разобраться, что же хотел сказать автор по существу.

Н. Разговоров пытается опровергнуть ту распространенную, но, по его мнению, ложную мысль, по-разному выраженную в статье А. Аникста и в моей собственной, что в «Носороге» Ионеско имеется определенное гуманистическое идейное содержание и что по самому духу своему это антифашистская пьеса. В доказательство своей правоты Н. Разговоров ссылается на недавно опубликованный «Дневник» Эжена Ионеско, в котором содержатся весьма путанные и противоречивые высказывания по политическим и философским вопросам, не имеющие прямого отношения к написанному за шесть лет до того «Носорогу». Не трудно видеть, что это доказательство совершенно несостоятельно.

Во-первых, иллюзии и заблуждения Эжена Ионеско, проявившиеся в его записках, не исключают его антифашистских убеждений. Можно быть человеком по-

Во-первых,

Н. НАУМОВ

литически наивным и близоруким, поддающимся соблазнам «нонконформистской» фронды и — не замечая того — влиянию официальной пропаганды, можно делать легковесные и, скажем прямо, неумные заявления в печати и при всем том ненавидеть фашизм и все, что с ним органически связано. Если бы дело обстояло так просто, как думает Н. Разговоров, не существовало бы широкого антифашистского движения, к которому принадлежат или тяготеют, иногда бесосновательно, люди весьма различных политических взглядов и идейных воззрений.

Во-вторых, если уж для уяснения общего смысла «Носорога» критик решил обратиться к выступлениям Ионеско в печати, он должен был бы не ограничиваться вырванными из контекста выигрышными цитатами, а без всякой предвзятости сопоставить все высказывания писателя и прежде всего, разумеется, учесть те из них, которые связаны непосредственно с этой пьесой. Н. Разговоров поступает как раз наоборот. Он «хочет» считаться с приведенными им отрывками из «Дневника» и предпочитает «воздержаться от умозаключений», на которые его навело бы интервью с Ионеско по поводу «Носорога».

В-третьих, — последнее по счету, но не по важности, — интерпретация и оценка художественного произведения должны зиждиться прежде всего на критическом анализе именно этого произведения, на всемерном учете его сильных и слабых сторон

и на уяснении его идейно-художественной «равнодействующей», а не на более или менее случайных высказываниях писателя, порой продиктованных сторонними влияниями и обстоятельствами, и даже не на его политических и философских воззрениях, нередко вступающих в противоречие с самим духом его творчества. Раз уж Н. Разговоров апеллирует к классикам, то и мы в свою очередь позволили себе прибегнуть к классическим примерам. Разве сила и значение великих творений Толстого определяются толстовством? Разве о «Человеческой комедии» нужно судить, исходя из того факта, что Бальзак был легитимистом? И как же быть с Гоголем, которого так охотно цитирует Н. Разговоров? Не писал ли Белинский, всегда признававший его великий талант, по поводу «Выбранных мест из переписки с друзьями»: «Нельзя молчать, когда под покровом религии и защитой кнута проповедуют ложь и безнравственность как истину и добродетель»? Не прав ли был он, когда в одной и той же творческой личности различал художника и мыслителя: «Вы глубоко знаете Россию только как художник, а не как мыслящий человек, роль которого вы так неудачно приняли на себя в вашей фантастической книге». Перо художника нередко умнее его самого. Отчего же эту истину, справедливую даже применительно к такому гиганту, как Гоголь, Н. Разговоров отказывается иметь в виду, когда речь заходит об Ионеско?

ОТ РЕДАКЦИИ

Н. Наумов благодарит «Литературную газету» за то, что она в целях объективности предоставила ему возможность высказаться на ее страницах. Приятно, разумеется, слышать слова благодарности. Но то же стремление сохранить объективность вынуждает нас продолжить спор.

В полемических заметках Н. Разговорова было поставлено под вопрос не гуманистическое начало, заложенное в произведении Ионеско, а характер его связи с историей наших дней. Н. Разговоров подверг критике защищаемый Н. Наумовым в его послесловии тезис о «Носороге» как антифашистской по своему содержанию гротескно-сатирической пьесе, сквозь ткань которой якобы просвечивает определенная историческая действительность.

В статье говорилось, что под пером Н. Наумова «понятие фашизм становится весьма расплывчатым, оно в значительной мере утрачивает свое политическое, историческое, идеологическое содержание, и фашизм рассматривается только как некий всеобъемлющий комплекс морально-этического зла». Таким образом ставился вопрос о реальном со-

держании тех абстракций, которые представляют собой герои пьесы Ионеско и сама выведенная на сцене коллизия.

Н. Наумов в своем послесловии так характеризует абстракции Ионеско: «...Есть абстракция и абстракция. Безжизненная, схоластическая, если угодно, догматическая, игнорирующая богатство и текучесть действительности, и — плодотворная, продолжающая (вглубь) живое созерцание, схватывающая существенное или, как говорил Ленин, «прочное, остающееся в явлениях». Такая абстракция и доминирует в гротескной символике «Носорога».

Думается, что здесь критик вступает в противоречие сам с собой. Что попадает в поле зрения драматурга-модерниста и что остается вне его? Что отсутствует в пьесе? Сам Н. Наумов в послесловии перечисляет: «...В самом тексте «Носорога» нет не только политических реалий или намеков, но и каних бы то ни было примет временных...», «выбрасывается история...», «социальная природа носорожества остается нераскрытой...», «вне его поля зрения остается классовый антагонизм... живая диалектика социальной действительности», «нет масс,

есть только стадо...», на сцену не допущена «действительность в ее социально-исторической определенности».

При желании перечень этих «не» и «нет» легко продолжить. Как же можно, спрашивается, в абстракциях, лишенных всех вышеназванных качеств и свойств, обнаружить признаки фашизма или антифашизма? Этого можно достичь лишь одним путем — выхолостив само понятие «фашизм», сделав его внеисторическим, внеидеологическим, «внежизненным».

Так именно и поступает Н. Наумов, берясь за анализ «Носорога». Разумеется, критик волен действовать, как хочет, но как раз то «прочное, остающееся в явлениях», которое Ленин учил видеть и находить в процессах общественного развития, при этом выбрасывается за борт.

Напомним Н. Наумову, что В. И. Ленин называл «фокусом-покусом поповщины» приемы, с помощью которых из идеи «убирается прочное, что исторически и житейски в ней есть» и заменяется «огульными, общими, «робинзоновскими» понятиями вообще». Такой «фокус-покус» и продлевает в своем послесловии Н. Наумов, фаттически

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
г. МОСКВА

9 7 ФЕВ 1966